

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

КОГДА БРОДЯГА ВРОВЕНЬ ГРЕНАДЕРУ... *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 36. «Царевич Алексей, сын императора Петра I» [весна ? 1722 – 16 сентября 1723] – Алексей Родионов сын

Второй по счёту Лжеалексей был российским подданным и православным. Его нужно, видимо, считать и русским, ибо, хотя отец его был поляком, Родионов родился, вырос и жил среди русских людей.

Будущий самозванец появился на свет примерно в 1677–1682 годах. Это произошло, если верить его показаниям, в селе Светилово Тошенской волости Вологодского уезда во дворе тамошнего помещика Фёдора Михайлова сына Ушакова. Однако свидетели показали, что «рождение ево – в Вологодском уезде в Раменской волости, что в Елданцах, в селе Толстикове», то есть в другом имении Ушакова.

Отец лжецаревича был не просто частновладельческий крестьянин, а «деловой человек»¹. На следствии Алексей сообщил: «А от отца своего слышал, что отец ево был родом поляк – полского полону». О своей матери он умолчал, но можно полагать, что она была местной крестьянкой. Всей семьёй они жили при помещике и потому принадлежали к «дворовым людям».

Около 1700 года Родионов с родителями был «перевезён» в Светилово. Тут он, видимо, и женился – вскоре после переезда. О его личной жизни известно только то, что у него появились дети и что они в 1723 году, как и родители, по-прежнему жили в Светилове.

На новом месте у Алексея появился и новый господин – им стал другой Ушаков, Иван Петрович. В 1712 году опять сменился помещик, и «Родионов достался за Селуяна Митрофанова сына Порошина».

В конце 1718 или начале 1719 года умер отец Алексея. В это время Родионов жил уже не при помещике, а своим двором. Если верить самозванцу, он интересовался духовной литературой. На следствии он говорил, что бывал в гостях у дьячка Аннурия Пименова, приписанного «Тошенской волости к церкви Василья Великого, что на реке Тошне», и будто бы «дьячок читал при нём книгу тёмно-зелёную, и в той книге написаны звёзды и всякие царства». Однако Пименов утверждал обратное: «А в бытность того Алексея книг никаких он не читал...»

И в самом деле, наш герой мог этот факт придумать, но в то же время искренне верить в то, что так оно и было. Согласно свидетелям, около 1715 года «Родионов волею Божию осумозбродел и в том сумозбротстве был помесечно года з два», а потом стал сумасбродствовать «по вся дни». Возможно, психопатология и толкнула его на самозванство – побудила его сжечь собственный двор. Но, судя по всему, поджог он совершил ещё до того, как предстал в образе «царевича».

«Проявление» состоялось, видимо, весной 1722 года в Светилове. Средь бела дня прилюдно Родионов стал провозглашать, что он царевич Алексей Петрович («шалостные слова говаривал»). Естественно, ему не поверили. Более того, он лишь укрепил свою репутацию безумца. С другой стороны, никто из местных жителей не удосужился донести о нём властям, и это притом, что лжецаревич продолжал свои «разглашения».

Впрочем, была-таки попытка образумить Родионова. В конце весны или в начале лета 1722 года он поведал о своём высочайшем происхождении группе крестьян одного из местных помещиков (Андрея Фёдоровича Лутошина) – жителям

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7.

[с. 42]

«Вологодского уезду Егорьевского приходу». Так эти крестьяне – «Кокушка с товарищи» – избивали его «и хотели... убить до смерти и бросить в яму, а говорили, что де он, Алексей, называетца болшим». Последствия такого вразумления зафиксированы в материалах следствия так: «А по осмотру у него, Алексея, правая рука в дву местех перебита, и тою рукою не владеет».

Самозванец начал жаловаться на обидчиков чуть ли не всем подряд. Если ему верить, принёс он жалобу и солдатам, которые в составе отряда из 60 человек проезжали из Вологды через его село. Вероятно, они осматривали самозванца, чтобы узнать, не лжёт ли он, говоря о побоях. Но в его воспалённом мозгу этот осмотр предстал иначе – как доказательство его монаршего происхождения. Он поведал на следствии, что солдаты, «сняв с него рубашку и портки, ево осматривали, нет ли на нём пятен. И осмотрили на руках пятна, и говорили, что де на руках у него печать и крест государева, чтоб он явился по вся месяцы на Вологде воеводе в канцелярии, и как ево спросят, чтоб был готов; и назвали ево царевичем Алексеем Петровичем – то де у него на руках пуп Земли, болши де ево, Алексея, на свете нет... И царевичем назывался он по вышеписанным салдацким словам».

Вскоре самозванец отправился жаловаться местному воеводе. В канцелярии Вологодской провинции претензии Родионова к обидчикам-крестьянам, судя по всему, были выслушаны, однако хода делу там не дали. Летом 1722 года Алексей какое-то время «держан был на Вологде» (в тюрьме при канцелярии?) и отпущен восвояси.

Искалеченная рука не позволяла ему заниматься крестьянским трудом, поэтому он стал бродить по Вологодскому уезду и христарадничать: «И за увечьем ево, что без руки, ходил он по розным деревням для збирания милостыни». По старой памяти зааживал он к дьячку Пименову. Тот сначала к себе «пущал ево для нищеты Бога ради, и услыша, что на нём, Алексее, падучая болезнь, к себе ево пущат не стал». Отдадим должное осмотрительности дьячка – Родионов, испрашивая милостыню, попутно «разглашал» о себе. Судя по всему, маршрут его передвижений включал село Беседное (владение Матвея Ивановича Леонтьева), село Сельцо (владение Дмитрия Юрьевича Колошина), деревню Нестерово (владение Спасо-Прилуцкого монастыря) и деревню Губино (владение Степана Ивановича Шелешпанского).

13 марта 1723 года самозванец пришёл в деревню Селунскую (владение Ивана Петрова сына Слёпушкина), расположенную недалеко от Вологды – в Кубенской трети уезда. Крестьянин Евсей Осипов пустил Алексея на ночлег «для нищеты ево», и тот «сказывал ему, Евсевью, про себя, будто он царевич Алексей Петрович. И те де слова слышала ево, Евсевьева, жена Парасковья Никитина... И говорил ему, Евсевью, чтоб ево, Алексея, отвезть в канцелярию Вологодской провинции». Не известно, поверил или нет хозяин словам гостя, но просьбу его исполнил.

Поздно вечером 13 марта Осипов и самозванец были уже у дома вологодского воеводы Дмитрия Фёдоровича Потёмкина. Осипов добился встречи с управителем, сообщил ему, «что привёл он с собою неведомаго человека», и попросил немедленно прибыть в канцелярию, после чего и сам вместе с Родионовым направился туда же. Там в ночь на 14 марта перед лицом воеводы и секретаря Осипов рассказал о встрече с Алексеем, «объявил» его и попросил, чтобы было «повелено у него оного принять». Сразу же Родионов был подвергнут «роспросу». Первым делом он «сказал за собою государево слово»² – назвался царевичем

Алексеем Петровичем. Потом сообщил своё настоящее имя, статус и место жительства (но это не значило, что он отказался от мифической ипостаси!). Кроме того, он «просил, чтоб послать... по дьячка Аннурия Пиминова и привести ево со всем, о чём он, дьячѣк, знает, а чего имянно, того он, Алексей, ныне не объявит. И послать бы дьячка с ним, Алексеем, куды надлежит по указу. А ежели каким случаем в доме ево, дьячка, не изъедут, взять жену ево и детей».

Само собой, лжецаревич оказался под арестом. Но вот что интересно – в ту же ночь воевода отправил солдат за Пименовым. У того изъяли «коробью с книгами и с писмами». Дьячок и конфискованное были доставлены в Вологду не позднее вечера 14 марта. И тут же солдаты, снабжённые «отпиской» воеводы, повезли самозванца, Е. Осипова с женой, дьячка и «коробью» в Москву.

26 марта подследственные были приняты в Преображенском приказе. В этот же день состоялись их «роспросы». Лжецаревич коротко изложил факты своей реальной биографии, поведал о перенесённых побоях и осмотре его солдатами. При этом он оставался в образе «наследника престола» и, как записали следователи, «говорил... многие сумозбродные слова». Родионов также сообщил, что дьячка требовал арестовать лишь потому, что тот якобы читал ему книгу про «звёзды» и «царства». Однако показания Пименова и просмотр конфискованных у него книг и бумаг сняли с него подозрения в пособничестве самозванцу. Ни при чём для следователей оказались и Осипов с женою.

23 апреля в Вологду был отправлен указ о проведении «сыска» (опроса местных жителей) по поводу поведения Родионова. Ответная «отписка» пришла в Преображенское 8 июня. К ней прилагались взятые 23 мая «сказки» (словесные показания) крестьян Гошенской волости о жизни и психическом состоянии самозванца. Из этих «сказок» вытекало, что обвиняемый, судя по всему, ненормален. Следственных действий в отношении него больше не было. Нужен был только приговор. 14 июня начальнику Преображенского приказа³ Ивану Фёдоровичу Ромодановскому, находившемуся тогда в Петербурге, была послана обобщающая «выписка» из полученных «сказок» и «экстракт» (краткое изложение дела).

Но приговор так и не был вынесен, ибо 16 сентября 1723 года «колодник Алексей Родионов, исповедыван и святых тайн приобщён, волею Божию умре». В тот же день его тело было отослано в Покровский, что на Убогих домех, монастырь⁴ и там предано земле.

Источник

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1843.

Литература

Соловьёв С. М. Соч. Кн. 9. М. 1993. С. 184–185.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967. С. 121.

№ 37. «Брат императора Петра I, царь Грузии, генерал Преображенского полка» [1 августа 1723 ? – 3 апреля 1726] – Михаил Алексеев сын

Единственный лжебрат Петра Великого был российским подданным, православным и, видимо, русским. Власти одно время считали его «старовером», но убедились, что таковым он не был. Родился Алексеев примерно в 1672–1676 годах, если принять мнение следователей, которые в июне 1724-го решили, что ему лет пятьдесят. Сам же Михаил возраста своего не помнил – равно как и того, где он родился, «потому что после отца и матери остался в малых летех».

О жизни самозванца до «проявления» мы знаем лишь с его слов. Увы, эти сведения сбивчивы и отрывочны. Следователи узнали, что «родился де он, Михайла, в Архангельске городе... а сказовал де ему о том рождении новгородец посацкой человек, а как ево именем и

отчиной зовут, того он не ведает, а прозвание Фалелеев...» Если это известие правдиво, то отцом будущего лжемонарха был, скорее всего, посадский человек.

Можно предполагать, что он стал сиротой, когда ему было не более пяти лет. Затем его приютил вышеуказанный Фалелеев, и, стало быть, Михаил оказался в Новгороде – в доме на Мутной улице («идучи ис Каменного города на правой стороне меж церковей Михаила Архангела да Иоанна Крестителя»). Когда Алексею исполнилось 16–18 лет, он, вероятно, стал бродячим работником по найму. В конце 1690-х он оказался в деревне Васильевской Московского уезда (владение Василия

[с. 43]

Климшина), женился на местной крестьянке Матрёне Перфильевой дочери «и жил де с тою женою своею з год». Затем они поселились «в Новгородском уезде в Шелонской пятины⁵ на Михайлове погосте своим двором... И прижито у него с той женою ево детей: Василей, Евдоким, Трофим, Иван да дочери Ксенья, Домна. И на том де погосте жил он с тою женою лет з дватцать». Раз Алексеев не упоминает помещика, значит он и его родные были государственными крестьянами. Остаётся добавить, что Михаил так и не научился читать и писать.

Судя по его показаниям, он был свидетелем начала Северной войны, знал о личном участии Петра I в осадах Нарвы (первая, неудачная, была 23 сентября – 20 ноября 1700 года, вторая же победно завершилась 9 августа 1704-го), а также о том, что после взятия Нарвы царь некоторое время жил в Новгороде. Алексеев утверждал, что «служил в Олонецком драгунском полку год в барабанщиках, а в которой роты и кто в том полку был полковник и у роты капитан был, не ведает. Токмо де он, Михайла, отставлен и дан отпуск, а кто ево отставил и за чьей рукою дан отпуск, не ведает, токмо де тот отпуск положен у него в Новгороде у вдовы Гостиной Ивановской жены Маленкого Марьи Григорьевой дочери». Если сказанное – правда, то самозванец мог быть на службе не ранее 1707 года (именно тогда был образован Олонецкий драгунский полк) и не позднее 1710-го, так как после полк действовал далеко от Новгорода – за границами России.

После увольнения (если таковое всё же было) «житие де своё он, Михайла, имел в Нове ж городе у звонаря Николского одворища Никиты Иванова да у отставного салдата Григорья Григорьева, которой де отставной салдат жил с ним, звонарём, в одной улицы, да в улицы Бардавки у Иванова крестьянина Татищева Алексея Антонова».

Верить или нет самозванцу? Уже у следователей возникли сомнения на этот счёт: «Он же, Михайла, против показанного ево роспросу о положенном пашпорте в Новгороде и о бытности своём в Олонецком полку говорил несогласно и сумозбродные ж слова». Эти сомнения подпитывались тем, как Алексеев объяснял свою физическую неполноценность: «А про кривой глаз оной при роспросе говорил: оной де глаз вырезал у него ножом в Шушине кореленин государев крестьянин Фёдор, а чей сын, не помнит, у сонного, а для чего вырезал, не знает и он ево не спрашивал». Впрочем, последнее откровение позволяет заключить, что самозванец всё же бывал в Шушино (Новгородский ли это уезд?).

Предположительно около 1720 года Михаил стал нищим-бродягой. Возможно, его близкие умерли. Может, они его прогнали, а может, он и сам покинул дом. Мы знаем лишь то, что к 1724 году он был почти слеп (следователи зафиксировали, что он «одним глазом крив, да и другим мало видит»). Не исключено, что он помутился в рассудке, потому и возомнил себя отпрыском царя Алексея Михайловича. Свою новую самооценку он строил, во-первых, на совпадении своего отчества с отчеством Петра I («и Михаилом де ево зовут Алексеевичь»), а во-вторых, на мифическом признании со стороны правящего монарха.

На следствии самозванец показал: «А к роду де Его Императорского Величества причитаецца он, Михайла, и братом себе нарицает, что де Ево Императорское Величество

его, Михайла, увидев в Первой Нарвской поход под Нарвою, и говорил ему, что де "Ты, старик, от нас не отлучайся – нашей де ты породы". Да... после Нарвского взятия, а в котором году, того сказат не упомнит, токмо де летом, Его ж Императорское Величество, как стоял в Новгороде на Коржовы улицы во дворе новгородца посадцкого человека Петра Григорьева в деревяных хоробах, и он де, Михайла, был у Его Величества во оных хоробах дважды. И он де, Михайла, к роду Его Императорского Величества причитаецца по тем Его Императорского Величества словам».

Свою мифическую биографию Алексеев украшал и такими деталями: «...Знают де ево все Преображенского и Семёновского полков салдаты, потому что он съ Его Величеством и с ними, салдаты, был в Грузинской земле и в Турецкой и во всех походах генералом...»; «...Служил де он в Преображенском полку в первой роте генералом...»; «И посадил де ево на царстве в Грузинской земле батюшко ево Алексей Михайловичь... и владел де он Грузинскою землёю».

Скитаясь по миру, самозванец из Новгородского уезда перебрался в соседний Псковский. Какое-то время он просил милостыню во Пскове, а к августу 1723 года оказался в 43 верстах от него – во Псково-Печорском Успенском монастыре. Сколько он там пробыл в качестве «просящего старца», мы не знаем. Зато знаем, что там он «проявился» и что к этому моменту в его кожаной «мошне» было 3 рубля 24 копейки (немалые по тем временам деньги!).

Алексеев публично предстал в своей монаршей ипостаси, видимо, 1 августа 1723 года. Это случилось, вероятно, днём, при сборе милостыни. На беду, свидетелем «проявления» был архимандрит Пётр, игумен Снетогорского Рождество-Богородицкого монастыря и одновременно «Псковскаго архиерейского дому духовных дел управитель и судия». Тут же Михаил был задержан и, очевидно, препровождён во Псков, а именно в архиерейский судный приказ. «И оной Михайла при судье архимандрите Петре и при [и]нквизитере манахе Савватии допрашиван и в тех своих допросных речах вышеписанное причтение к роду Его Императорскому Величеству говорит те жь речи».

Затем самозванца передали гвардии поручику Петру Зиновьеву, который был «прислан для отправления к духовным делам ради искоренения розколников». 2 августа поручик отправил задержанного в «приказную палату» (провинциальную канцелярию), сопроводив его «доношением» на имя псковского воеводы Ивана Алексеевича Ржевского.

3 августа в присутствии воеводы состоялся «роспрос» лжемонарха. Алексеев рассказал то, что помнил о своей настоящей жизни, и поделился фактами из мифической биографии. Он стоял на том, что и в самом деле брат царю. «И... бил челом он, Михайла, чтоб изо Пскова для ведения о вышеписанном до Его Императорского Величества куда надлежит писать». Но вместо оповещения государя Ржевский подверг арестанта пытке. В тот же день самозванца подвесили на дыбу и девять раз ударили кнутом. «И... в застенке с виски он, Михайла, говорил, что де он царского роду, а от кого родился и о том от кого сведом, не ведает». 5 августа воевода отправил «доношение» в Сенат, сообщив, что считает Алексеева безумным и попросив «повелительного указа» на его счёт.

Пока маховик бюрократической машины приходил в движение, на северо-западе страны пошёл гулять слух, «что де явился во Пскове некакой человек и называетца Его Императорскому Величеству братом, и держат де ево под караулом». Очень скоро этот слух соединился с молвой о том, что Алексей, сын Петра I и наследник престола, не умер в 1718 году, как об этом оповещали, а жив и здоров. Например, в Дерптском уезде в сентябре 1723 года из уст в уста передавали: «Во Пскове де называетца Его Императорского Величества братом, а жив де и царевич Алексей Петрович»; «Ныне де явился Его Императорского Величества брат и не по многом де времени явитца и царевич Алексей Петрович».

Одним из распространителей данных слухов был «записной раскольник»⁶ Яков Григорьев, живший в деревне Каргово у «мызы»⁷ Вынгар» Дерптского уезда. В феврале 1724 года перед Феофаном Прокоповичем, архиепископом Псковским и Нарвским, Яков показал, что самозванца лично не знает, а слышал про него около 12–14 августа 1723 года. Тогда он «ездил по чюхном»⁸ для покупки мёда» и встретил на дороге псковского жителя Гаврилу

Квасникова, который и поведал ему о «царском брате». В 20-х числах сентября Яков ездил во Псков для уплаты «штрафовых денег по записке, чтоб... иметь раскол» и заодно пришёл в
[с. 44]

«приказную полату для подания колодникам милостыни». О том, что было далее, он рассказал так: «Приходил я ис первой в другую судейскую полату, где держался оной самозванец под арестом, не для какого случая – для подания милостыни как ему, так и протчим колодником, которые в этой судейской полате лечились; протчим давал по копейке, а ему, самозванцу, пят копеек... Дал я оному самозванцу кроме других колодников лишнее – пят копеек, видя великую нужду и скудость ево... При даче милостыни у оного самозванца я, Яков, как ево зовут именем, спрашивал, и он мне сказал, что зовут ево Михаилом». Больше они не разговаривали. В январе 1724-го Григорьев опять приехал во Псков «для платежа штрафных денег» и вновь давал милостыню колодникам. На допросе он утверждал: «Никаких разговоров у меня с ним, самозванцом, в остроге не было, толко дал ему милостыню – одно копейку».

23 апреля 1724 года из Тайной канцелярии псковскому воеводе был послан указ, повелевающий отослать самозванца и Григорьева в московскую контору Сената. И. Ржевский выполнил приказание 28 апреля. Видимо, в начале июня подследственные уже были в Москве. 8 июня их доставили в Преображенский приказ и сразу же подвергли «роспросам».

Самозванец «говорил: он де, Михайла, подлинно Его Императорскому Величеству брат родной и чтоб ево поставить перед Его Величество, и его де Величество от него не отопрётца, и на Его Величество шлётца» (берёт царя в свидетели – *О. У.*). Но он также «говорил многие сумозбродные слова... Притом же он говорил: как де быть, и сам он не знает; "Воля де ваша". А подлинно л оной сумозбродной или во оном себя притворяет, того познать не мочно...»

9 июля Алексеева и Григорьева пытали. Михаил получил 37 ударов кнутом, а «с подъёму говорил: сущая де ево правда, что он брат Его Императорскому Величеству родной... а ни кто де ево так называтца не научал... С того ж подъёму говорил, что "Принесу де повинную", а потом сказал, что сущая де ево правда... и он де, Государь, от него не отопрётца». Яков тоже получил 37 ударов и тоже ничего нового не сказал. Его пытали ещё дважды – с тем же результатом. 16 октября Григорьева освободили.

10 ноября 1724 года следователи ещё раз попытались допросить самозванца, но он «говорил сумозбродные слова». Тогда сделали вывод, что «Михайло явился в безуми[и]», и оставили его в покое до тех пор, пока не образумится. Ждать пришлось долго, и ожидания следователей не оправдались – Алексей так и не отказался от мифической ипостаси.

1 апреля 1726 года «караулной капрал Афонасей Милованов в Преображенском приказе доносил словесно: колодник де Михайло Алексеев лежит болен и требует отца духовного». Умирающему пошли навстречу: «И того ж числа... Михайлу исповедывал церкви Воскресения Христова, что в Преображенском во дворце, поп Пётр Алексеев. И по исповеди он, Михайло, при том ево отце духовном и при караулном капитане Павле Зорине спрашиван со увещанием, в чём он в Преображенском приказе держитца, чтоб он сказал сущую правду, помня смертный час и Страшный Божий суд». В ответ арестант сообщил: «По делу де, что он сказал в роспросе и с пытки, то сущая ево правда, и говорит де он о том сущую правду, как ему явитца суду Божию». Тем не менее он был «исповедыван и святых тайн приобщён».

Умер же самозванец 3 апреля. На следующий день его тело отправили в «убогий дом» при Воздвиженской церкви, «что за Петровскими вороты за Земляным городом». Там, видимо, он и был погребён – в общей могиле с такими же бездомными.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 359 об. – 360 об.; Д. 191; Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2234, 2282.

Литература

Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 184.

Чистов К. В. Указ. соч. С. 121.

Примечания

1. Деловые люди – сельчане, занимавшиеся делом, не связанным с обработкой земли, или не имевшие земли.
2. Выражением «слово и дело государево» в России XVII–XVIII веков обозначались преступления против жизни, чести, интересов и прерогатив монарха и его представителей.
3. Наряду с Преображенским приказом политическим следствием и судопроизводством уже ведала и Тайная розыскных дел канцелярия, созданная 20 марта 1718 г. в Петербурге.
4. Этот мужской монастырь находился тогда под Москвой – за Земляным валом, у Покровской заставы на Семёновской улице.
5. Шелонская пятина располагалась в бассейне реки Шелони, к юго-западу от озера Ильмень.
6. «Записной раскольник» – старообрядец, внесённый в официальный реестр и платящий за это подати в двойном размере.
7. Мыза – сельская усадьба, центр феодального владения.
8. Чухна, чухонцы – старинное название ингерманландских (живших на землях от Финского залива до Ладожского озера) финноугров и эстов.